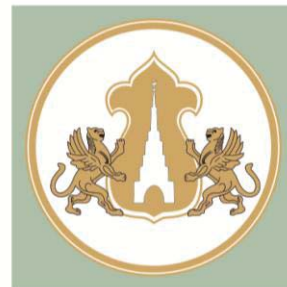

History and society

Тарих һәм җәмгыять

История и общество

DOI: 10.26907/2311-2042-2025-24-1-59-75

HISTORICAL FOUNDATION OF NAKI ISANBET'S MEMORIES ABOUT SHAIKHZADA BABICH

Aydar Yurievich Khabutdinov,

Kazan branch of Lebedev Russian State University of Justice,
7A, 2nd Azinskaya Str., Kazan, 420088, Russian Federation,
aikhabutdinov@mail.ru.

The article analyzes Naki Isanbet's memoirs about Shaikhzada Babich. The work was completed on the eve of the 50th anniversary of the October Revolution. Due to censorship, the author managed to partially publish it only in 1967–1968. This study is based on the full version of Naki Isanbet's memoirs, introduced into scientific circulation in 2023. The article provides a detailed historical commentary on the events, described in this work. We prove that the writer managed to realistically and reliably reflect the conflicts between various armed forces in the region. Based on the analysis of the character system, the article shows that in Naqi Isanbet's work, historicism is the most important aesthetic principle used to organize the characters' "construction".

Key words: Naqi Isanbet, Shaikhzada Babich, Salavat Yulaev, Bashkir autonomy, 50th anniversary of the Great October Socialist Revolution

For citation: Khabutdinov, A. Historical foundation of Naki Isanbet's memories about Shaikhzada Babich // Tatarica. 2025. № 1 (24). pp. 59–75. <https://doi.org/10.26907/2311-2042-2025-24-1-59-75>

Introduction

In 1967, the USSR celebrated the 50th anniversary of the October events of 1917 on a grand scale. To implement the provisions of the Resolution of the Central Committee of the CPSU of January 4, 1967, "On preparations for the 50th anniversary of the Great October Socialist Revolution", the "Board of the Union of Writers of the USSR" was given the task to "to ensure a high ideological and artistic level of publications to prepare and publish scientific and popular historical works...

involving the participation of old Bolsheviks, veterans of the Revolution, the Civil and Great Patriotic Wars, heroes of labor, prominent scientists and public figures as authors" [1, pp. 3, 27–28]. This inspired N. Isanbet to create a book of memoirs about his contemporary Shaikhzada Mukhammetzakir uli Babich (1895–1919), from whose hands he received a poetic blessing in his youth [2, pp. 166–173, 238–240]. However, due to censorship, the scholar-encyclopedist was only able to partially publish his work (for details see:

[3], [4]). N. Isanbet reflects on the poetic genius and political tragedy of Sh. Babich during the period that covers less than a year in the life of the poet and N. Isanbet himself: between the events of the summer of 1918 and March 28, 1919, when the poet was shot.

Materials and research methods

The chapter about the death of Sh. Babich in January 2021 was published in the newspaper "Madani Jomga" [5]. The full variant of the work, that our study is based on, was published in the popular science collection "Naqi Isanbet" [2, pp. 165–259]. Half a century later, the writer returned to the story of his older contemporary's creative upsurge, poetic triumph and death, relying on his personal memories. Analyzing the reasons for Sh. Babich's death in March 1919, N. Isanbet realistically and reliably describes the struggle that unfolded in the Southern Urals in 1918–1920 between various armed forces, among which one can distinguish not only the Reds and Whites (Komuch armed forces), but also the Bashkir autonomists and the peasant movement (senekcheler - 'forkmen').

The first three volumes of the 4-volume National-State Building of Bashkortostan (1917–1925) by B. Kh. Yuldashbaev were used as the main source for the history of the Bashkir movement in the Southern Urals. They contain materials on the poet's socio-political activities, as well as the data on his death and assessments of its causes [6]. The role of the land issue in the Bashkir movement for autonomy, the reduction of Bashkir land holdings and the subsequent change in the entire way of life of the Bashkir class were examined by us in 2001 in a monograph [7, pp. 62–64, 316–321]. Also, worthy of attention are the articles about Sh. Babich, which eliminate the "blank spots" in his biography [8], [9].

The article is based on the comparative-historical and problem-chronological methods, the methods of synchronous and diachronic analysis, periodization, classification, etc.

Discussion

To identify the reasons that led to Sh. Babich's death in the Orsk District of the Orenburg Province in March 1919, N. Isanbet resorts to the technique of parallelism when showing two events of 1918–1919 in his memoirs. The writer describes a summer party for Tatar female teachers in Ufa [2, pp. 176–182], and recreates a picture of an armed uprising against Soviet power in his native Zlatoust

District of the Ufa Province, which broke out in the summer of 1918 [2, pp. 187–205].

N. Isanbet gives a brief but comprehensive description of the land issue in the Southern Urals, when the lands of the Bashkir patrimonial landowners (votchinniks) were given over to factories in the 1730s, and then to Slavic settlers for agriculture [2, pp. 211–217]. For the Bashkir autonomists and Bashkir peasants, the protection of their land fund was the main goal during the 1917 Revolution and the Civil War. The process of land holdings' confiscation was active throughout the 1730s–1900s. Huge tracts of land passed into the hands of both landowners and mining industry owners. In 1852, the Bashkirs had 1.78 horses and 1.07 cattle per capita [10, pp. 9–14]. Traditional nomadic economy could not exist under these conditions, except for a number of volosts of the Orenburg Province, and parts of the Sterlitamak and Zlatoust Districts. According to P. Lyashchenko, the land fund of the Bashkir population decreased from 11.5 million to 1.5 million tithes of land during the period from the beginning of the 19th century to 1890 [11, pp. 507–508]. After the population from the cantons, belonging to the former Bashkir-Meshcheryatsky Army, was transferred to the Civilian Department on February 1, 1865, the Decrees of February 11, 1869, and June 4, 1871, were adopted [12, p. 554]; as a result, the area of Bashkir patrimonial lands was reduced from 13.8 million tithes in the early 1860s to 6.6 million tithes by the end of the 19th century (according to A. Akmanov) [13, pp. 56–57]. This process continued at the beginning of the 20th century. In the 5th volume of the "History of the Bashkir People", it is indicated that "in 1905–1915 the Bashkirs were forced to sell 300 thousand tithes in the Orenburg Region and 222 thousand tithes in the Ufa Provinces" [14, p. 57]. Therefore, in 1917, the leaders of the Bashkir autonomists believed the agrarian issue to be of key importance.

On November 15, 1917, Farman (Decree) No. 1 of the Bashkir Central Shuro (Council) was proclaimed, which stipulated the creation of autonomy based on the eastern part of the Orenburg Province [15, pp. 182–183]. On December 8–20, 1917, in Orenburg, the Third Bashkir Kurultai (Congress) adopted a resolution on the land issue on December 20. Section VI, "On the settlement on the territory of Bashkiriya and on the eviction from its borders," states: Clause 16, "only Bashkirs and other Muslim peoples who remain outside the borders of autonomous Bashkiriya enjoy the right to settle on Bashkir territory," and Clause 19, "all set-

tlers who settled in Bashkiriya after April 20, 1898... are to exchange lands with those Bashkirs and Muslims who remained outside the borders of autonomous Bashkiriya and who wish to settle within its borders" [15, p. 235].

On January 5, 1918, the deputy chairman of the Bashkir government, Akhmad-Zaki Validi, made a speech in Ufa in the Millet Majlise (the parliament of national-cultural autonomy of Muslim Turco-Tatars), but the parties failed to reach an agreement. The key issue was the status of non-Muslims, since A.-Z. Validi advocated the implementation of the above-mentioned plan to create a purely Muslim autonomy, while the deputies of the Millet Majlise insisted on complete equality of all citizens [16]. On January 5, 1918, the All-Russian Constituent Assembly proclaimed the Russian Federal Republic. The Muslim socialist faction of the Assembly declared the creation of a number of subjects of the RFR, including the Volga Region–Southern Ural State. On January 7, 1918, the Millet Majlise declared the birth of a subject of the RFR – the Idel-Ural State, and adopted a decision on the procedure for creating the State [17, pp. 32–34].

The popularity of various political movements among Muslims in the Volga-Ural Region in November 1917 can be seen from the results of the elections to the All-Russian Constituent Assembly. The largest number of votes (322,166) went to List No. 9 of the All-Russian Socialist-Revolutionary Party and the Ufa Provincial Council of Peasants' Deputies controlled by it. Second place was received by List No. 3 (the left faction of the Muslim National Council (Milli Shuro) headed by Galimdzhan Ibragimov) – 304,844 votes, whose proponents supported the Idel-Ural State, and in March 1918, the Tatar-Bashkir Soviet Republic (TBSR) as part of the RSFSR. Third place (list No. 11, "Bashkir Federalists") got 135,967 votes. Milli Shuro's List No. 1 had 88,850 votes. 48,151 people voted for the Bolshevik List No. 10 [18, pp. 156–157]. The Bashkir List received 50.8% of the votes in the Sterlitamak District and 58.2% in Naqi Isanbet's native Zlatoust District. In other districts of the province, the Tatar lists received a majority. [19, pp. 82–84]. There was a clear predominance of Tatar lists among Muslims throughout the Ufa Province, except for two districts, with the dominance of Russian Socialist Revolutionaries in the Ufa Provincial Council of Peasants' Deputies. The Russian Socialist Revolutionaries, Bashkir autonomists and Tatar supporters of the Ufa Provincial Milli Shuro would be the three forces that opposed

Soviet power in the province from the spring of 1918, while the left faction of the Ufa Provincial Milli Shuro, headed by G. Ibragimov, would go over to the Soviet power after the dissolution of the All-Russian Constituent Assembly [17, pp. 34–35]. On January 17, 1918, the decree "On the Commissariat for Muslim Affairs" was adopted by the Council of People's Commissars at the People's Commissariat for Nationalities, where Mullanur Vakhitov was appointed commissar and where G. Ibragimov along with Sharif Manatov were deputies. The central organ of the Commissariat was the newspaper "Chulpan" (18.01.1918–21.03.1919) [20, pp. 107–108] whose editor was G. Ibragimov.

In March 1918, after the introduction of the food requisitioning (prodrazverstka), the Left Socialist Revolutionary Party left the Council of People's Commissars; at the same time, peasant uprisings against the food requisitioning began in the Southern Urals. In mid-March 1918, an uprising occurred in the Buraevskaya Volost of the Birsk District in the Ufa Province, which was suppressed on March 27, 1918 [21, p. 543]. In Naqi Isanbet's native Zlatoust District, at the Mesyagutovsky Peasant Congress that began on March 2, a resolution was adopted demanding the resignation of the Council of People's Commissars, the resumption of the activities of the Constituent Assembly and the bodies of zemstvo, city and volost self-government [14, p. 88]. The second wave of uprisings began in May and by mid-June they had engulfed most of the volosts of the Birsk District and the Nogushevskaya Volost in the Ufa District. In a number of volosts, the rebels, who supported the Komuch government, established connections with the troops of the Czechoslovak Corps and participated in joint operations against the Red Army [21, p. 544]. This was the situation on the eve of the civil war in the Southern Urals in the summer of 1918 that was described by Naki Isanbet in his memoirs about Sh. Babich.

Describing his meeting with Sh. Babich at the Muslim Women's Teachers' School (Dar ul-mugallimat), N. Isanbet positively assessed the educational policy of the first year under the Soviet regime, which created conditions for the certification of male mugallims and female mugallimas, male teachers and female teachers after they completed their courses. Here, we are talking about a party arranged at the mugallimas courses that opened in Ufa on the basis of the Usmaniya Madrasah on May 10, 1918 [22]. The founder of the women's courses at the Usmaniya Madrasah was mudarris Jihangir Abzgildin. They began operating

in May 1917, i.e., they had no relation to the Soviet power bodies. “Dar ul-mugallimat” as a Muslim women’s teacher’s school (seminary) was created in 1916 in Ufa. It was under the jurisdiction of the OMDS (Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly), and later of the provincial Milli Idare (the local branch of the government of national-cultural autonomy of Muslim Turco-Tatars), that is, it was not created by the Soviet regime [23, p. 40].

In mid-July 1918, Sh. Babich was involved in the formation of Bashkir military units in the Sharypovskaya and Bakayevskaya Volosts of the Ufa District and Province [24, p. 239]. That is why he showed up at the party in a military uniform with a pistol holster [2, pp. 177–182].

N. Isanbet recalled his returning home from Ufa where he worked as a teacher. This is the way he described how he involuntarily found himself at the epicenter of the tragic events, although he was just a rural teacher: “The Czechoslovaks, who arrived from Chelyabinsk, captured our district center Zlatoust... By this time, the Soviet Red Army had not yet managed to line up in the proper order, and it could not put up armed resistance to the regular army. In Samara, Komuch, the government <of members> of the Constituent Assembly, emerged. The White Power, relying on the intervention and the forces of the Entente, began arriving in our district, which had not yet recovered from the terrible uprising of the Senekcheler (see above - A. Kh.). Those who managed to escape executions or showed sympathy for the Soviets ran away, went into the forests, became partisans. There were especially many of them in Nasibash, Atau and Kigah” [2, pp. 201–202].

In June 1918, the entire rural part of the Zlatoust District, as well as the Kusinsky, Satkinsky, Petropavlovsky and Nikolsky factories, were engulfed in an anti-Bolshevik uprising. On June 25, the Red Army “hastily abandoned the city of Zlatoust” [25], “in Mesyagutovo alone, about 400 people were tortured to death” [26].

Having gone on a vacation trip, teachers Naqi Isanbet and Khadi Sagdi found themselves at the epicenter of the Senekcheler uprising – Mesyagutovo – and almost perished. “After the formation of Soviet power, this Zlatoust District became the place of the very first and the most brutal, the bloodiest war of the Senekcheler in Russia. Because of the subsequent intervention, these events remained uncovered,” the writer believed [3, pp. 187–188]. According to N. Isanbet, these events were provoked by the landowner Murashev

from the Russian village of Sikiyaz¹ who convinced the peasants from the neighborhood that the Soviets would take their land away. At that time, on the Ai River there were many “Russian kulaks (wealthy peasants), zemstvo officials, priests and officers without their shoulder straps...” Having intimidated the well-to-do peasants, they raised an armed uprising against the Red Guards. Within the framework of the Soviet course, N. Isanbet primarily blamed the Socialist Revolutionary Party for these uprisings, the party that was the most influential one at that time in the Ufa Province [27, p. 32]. In 1920, 3.6 thousand people lived in Mesyagutovo with adjacent villages [28, p. 178], and 1,531 people in Sikiyaz [29, p. 499].

The rebels’ claims were expressed by the Bashkir landowner (votchinnik) Sabirjan Agai. His rather brief speech in fact formulated the entire program of Bashkir autonomy, which did not change fundamentally over a century². The old man was outraged that in the newspaper “Chulpan”, Kh. Sagdi published a message informing that the Zlatoust District welcomed the Soviet power and supported the call for the socialization of the land [2, p. 191]. Sabirjan Agai was angry with the mullah’s son because Kh. Sagdi had abandoned his father’s parish, had refused to be a mullah and, contrary to tradition, had begun to live with a woman of a different faith: “Do you call yourself a proletarian? A proletarian is at a factory. Where is the Bashkir factory? Is there one? There hasn’t been either a Bashkir or a Tatar one yet. Socialization, you say. Tell me: is it your business to distribute land? Is this land yours? (At this point, he raised his fist, holding a sabre, to Khadi-abzy’s nose). Don’t make things up! You know very well as you’ve read many history books: everyone keeps saying: this is the Urals, this is the Agidel, this is the Uzen, the Sakmara - this is our land and water. Here you are: on one side of the border is the Vyatka and Yekaterinburg, on the other side is Toz-Tyube (Sol-Iletsk - A. Kh) ... this is all Bashkir land! In order to avoid disputes in the future, we legitimized our rights by submitting them to Ivan

¹ Sikiyaz, a Russian village in the Zlatoust District of the Ufa Province, now it is the Duvan Region of the Republic of Bashkortostan.

² The annotation to the book “Milestones of Sovereignty,” compiled by I. G. Akmanov and published for the 1st World Kurultai of the Bashkirs in 1995, directly states: “one of the features of the development of the Bashkir statehood is that the Bashkirs regulated their relations with Russia by treaties based on equality” [29, p. 2].

the Terrible for signature, that is why we signed a treaty with the Muscovite tsardom. Now look, what great number of boyars and factory colonists have come to these lands since then? So what? Who violated the treaty conditions? We? Didn't we fight for centuries to keep them out of these lands, but the Tsar supported them, the Tsar. He gave the order to shoot us, to organize a massacre. Salavat fought with the army of General Mikhelson...

That is why we are having a revolution today! We are also here to join it. Just think, what you are writing? You are a Muslim yourself. So what? You can figure it out for yourself: autumn has not come yet, you see: the Bashkirs considered your fathers and grandfathers to be Muslims and gave your villages land and water. If there was someone worthy in your place, he would say: "thank you"... Whose land are you distributing?... Do you really think that a Zlatoust worker from a factory will take it to give it to you? Learn this: we are Bashkirs, neither workers, nor capitalists, we have few peasants. We breed cattle. Don't you want all our pastures to be divided between those newcomers who have come here, saying that they want to build socialism here? To leave us to perish from hunger? On our land? Hey, hey, hey! The people, the people, you say! Here you are standing in front of the people, tell us: what right do you have to write something like this on behalf of the people? Why are you mocking at our religion? Or do you know the right way?"³ (lit.trans. – A. Kh.) [2, pp. 192–194].

In this case, Turnaly was not just a village in the Salavatovsky District of the Republic of Bashkortostan. It was a symbol of the quite recent agrarian colonization of the region: "The village of Turnaly (Permyaki) was founded in 1875 on the patrimonial lands of the Bashkirs from the village of Elgildino ... under an agreement on the allowance for peasant settlers from the Vyatka Province, the Kostroma and Penza Provinces, the Perm and Ufa Provinces to settle there" [30, pp. 270–271].

It is noteworthy that eight years before the publication of N. Isanbet's memoirs about Sh. Babich in "Kazan Utlary", a book by R. G. Kuzeev was published, it cited Bashkir shajaras (family trees), containing information about charters allegedly given by Ivan IV (the original charters have not survived) [31, pp. 33–34, 73, 78–79].

Of interest is the fact that in his speech, Sabirjan Agay drew a parallel between the revolutionary events of 1917 and the Pugachev Rebellion

along with the personality of Salavat Yulaev. As we know, the beginning of Salavat Yulaev's personality glorification began in the 1940s in the Soviet era, its peak was in 1967, at the beginning of the stagnation period. Since 1967, the State Prize of the Bashkir ASSR named after Salavat Yulaev in the field of literature, art and architecture has been awarded. On November 17, 1967, a monument to Salavat Yulaev was unveiled in Ufa [32, p. 384].

In his memoirs, N. Isanbet draws a tragic parallel between the image of Sh. Babich and the image of Salavat. The epigraph to Sh. Babich's poem "Salavat Batyr" (1918) turned out to be prophetic: "How old is Salavat? / How old is Salavat? / Twenty-three years old... / On his head is a green Kamchatka burka" (from a folk song). The poet glorified the people's defender for his courage, expressed confidence that the memory of him would forever be preserved among descendants, and the spilled blood of the hero would inspire their further exploits [33, p. 229]. The real Salavat did not die at the age of 21 (according to another version, at the age of 23). After a lengthy investigation, on October 2, 1775, together with his father, he was sent into exile for life (in reality, it was eternal hard labor) to the fortress of Baltic Port (now the city of Paldiski in Estonia), where he died in 1800 [32, p. 384]. Sh. Babich lived for 24 years, and died after a short trial and sentence. Let us recall that the Soviet regime abolished the division of powers, which in fact meant the transfer of judicial functions to local Soviet bodies.

What was the situation like in the rural areas of the Southern Urals in 1918–1919? "Researchers are unanimous in their opinion that by the spring of 1918, the grain monopoly in the Ufa Province had practically collapsed – and precisely because of the peasant opposition. The region was engulfed in peasant uprisings" [34, pp. 44–47]. In his address to the Orenburg Provincial Executive Committee on February 28, 1919, A.-Z. Validi particularly emphasized that the peasant settlers supported the Soviet government and had volunteered to serve in the Red Guard. [34, pp. 102–103.]

The situation on the ground was aggravated by the "Agreement between the Central Soviet Government and the Bashkir Government on the Soviet Autonomous Bashkiria" of March 20, 1919. According to it: "I. The Autonomous Bashkir Soviet Republic is formed within the borders of Little Bashkiriya and constitutes a federal part that is part of the R.S.F.S.R.

³ The translation into the Tatar language by N. Isanbet smoothed out dialectical features of speech, conveying the main meaning of the utterance.

II. The following volosts from the Orsk District are part of Malaya Bashkiriya: 27) Preobrazhenskaya..." [35, pp. 653–656].

It should be noted that the Ufa and Orenburg Provincial Councils did not support the Bashkir autonomy. The leaders of the Orenburg Provincial Council and the Bashkir autonomists had bloody scores to settle beginning with the year of 1918. On the night of March 2, 1918, the personnel of the Bashkir military detachment and authorized representatives of the Bashkir government were arrested by the Baimak Council of Workers' Deputies. On March 4, 1918, armed Bashkir detachments, numbering about two thousand people, laid siege to Baimak. On March 6, a regiment of Red Guards under the command of N. Baranov, which had arrived from Orsk, fought off the blockade. On March 7, 1918, by the verdict of the Court of Workers and Red Guards, according to various sources, 20–25 people were killed, including the members of the Bashkir government Gimran Magazov and Gabdulla Idelbaev, along with five Polish officer-advisers and soldiers of the Bashkir volunteer detachment [6, pp. 301–340].

It was on these days, February 20, 1918 (old style dates), that the Preobrazhensky District Peasant Council adopted a resolution ("On the Issue of Bashkuristan" pointing to Item 4) "the latest sad events – the incitement of the working Bashkir people against the Russians by the bourgeoisie (armament and armed attacks on Russian farms); 5) playing on the territorial independence of the Bashkirs. At the same time, the congress, categorically speaking out against the territorial autonomy of Bashkuristan, recognizes the right of the Bashkirs to territorial self-determination" [6, p. 299].

What settlements of the Orsk District are we talking about here? N. Isanbet mentions the village of Mikhailovka: "The village of Mikhailovka was founded by peasants from the village of Maloyaz in the Ufa Province (a Russian village now in the Chelyabinsk Province not far from the modern center of the Salavat District in the Republic of Bashkortostan, the village of Maloyaz) on land purchased from the Bashkirs of the village of Karatavly in 1874" [36]. The Preobrazhensky copper smelter was founded in 1748 on land purchased from the Bashkirs. In June 1774, the plant was burned down by rebellious Bashkirs: "in 1773–1775, 84 plant residents were killed or went missing" [37, pp. 391–393]. According to the Bashkir Encyclopedia, at the end of May 1774, Bashkir rebels destroyed and burned down the industrial

buildings and structures, disabling the equipment. "Later, landowners began to transfer Russian serfs from the Volga Region to the village near the plant. Administratively, it was part of the Orsk District in the Orenburg Province. In November 1922, the village of Preobrazhenskoye became the center of the Zilair Canton" [38, p. 175].

The Russian residents of Preobrazhenskoye and Sh. Babich had different ideas about the times of Pugachev and Salavat, as well as about the territorial affiliation of Preobrazhenskoye or Zilair. The situation was aggravated by the inclusion of the village into Malaya Bashkiriya, whose symbol of power was Sh. Babich. The story of Kh. Sagdi and Isanbet ended happily, since Kh. Sagdi found a relative and patron among the local Bashkirs. Sh. Babich and Irkebaev did not manage to escape after their arrest by Preobrazhenskoye Council executives.

N. Isanbet quoted an eyewitness: "Akhat Muratov, who saw the terrible nightmare of Babich's murder (one Bashkir peasant, a former delegate to the Bolshevik Congress from the Tangaur clan; Bashkortostan, the Khaibullinsky District, Isanbetovo village), he wrote: "two young Bashkir guys were taken out of a locked place. Both were broad-shouldered, strong guys, smiling, dressed in a Red Army uniform..., with stars on their headdresses. These were our comrades, one of them was Shaikhzada Babich, the other was Irkebayev. The commissar, who conducted the congress, said that these guys were ours, the members of the Bashkir government, and he insistently asked to save them. What the locals told him was: if you don't want them to be shot, stand between them. The commissar couldn't. Comrades Babich and Irkebayev were placed by the fence to be shot. One big Russian guy, one of those who did the shooting, started to take off Babich's coat, and Babich said: "*Stop, comrade, I have things in my pocket*" (italics from the original in Russian. – A. Kh.). Then the Russian guy said to Babich: "*In the next world, you don't need any things*" (italics from the original in Russian. – A. Kh.)... After that the Russian youth, in anger, hit Babich on the head with the butt of his gun..." [3, pp. 230–231]. Thus ended the earthly path of the poet, who, like Salavat, entered his fight for the Bashkir land...

Results

Having analyzed Naki Isanbet's article "Shaikhzade Babich" (1967), we have come to the conclusion that the author sought to integrate Sh. Babich, as a classic of Tatar and Bashkir literature,

into the realities of the early stagnation period. The key ideological moment was the interpretation of the experience of the October Revolution and the Civil War, which was officially carried out in accordance with the Resolution of the Central Committee of the CPSU of January 4, 1967, "On preparation for the 50th anniversary of the Great October Socialist Revolution". Since the authorities negatively assessed the experience of the Bashkir national movement led by A.-Z. Validi (1890–1970), and the leader of the national movement himself was still alive, N. Isanbet could focus only on Sh. Babich's creative work, to which a relatively large part of his article was devoted [2, pp. 167–186, 234–259]. However, N. Isanbet described from his personal experience the situation in the region during the civil war, the white and red terror in the Southern Urals in the summer of 1918 – spring of 1919 [2, pp. 187–204]. N. Isanbet explained how Sh. Babich, from a Tatar-speaking poet in 1917, turned into a Bashkir national activist who in 1918 became the main poet of Bashkir autonomism and a member of the Bashkir government [2, pp. 206–226]. At the same time, N. Isanbet showed the inexorable logic of the civil war, whose victims were idealistic revolutionaries [2, pp. 226–238]. It happened to Mullanur Vakhitov in August 1918, and to Shaikhzada Babich in March 1919. On the 50th anniversary of the Great October Socialist Revolution, N. Isanbet set the task that had not been previously solved: to create a biography of Sh. Babich that would be recognized by the authorities [2, p. 240], in which he partially succeeded. However, if S. Yulaev has been entirely integrated into the official coordinate system of Soviet Bashkiria, the transformation of Sh. Babich into an unambiguously recognized positive character occurred only in the first half of the 1990s, when along with the State Prize of the Republic of Bashkortostan named after Salavat Yulaev, the State Republican Prize of the Bashkir ASSR named after Shaikhzada Babich in the field of literature, art and architecture was first awarded [39, p. 174].

Conclusions

Our analysis of N. Isanbet's book of memoirs "Shaikhzada Babich", the documents and research on the civil war in the Southern Urals in 1918–1919 has made it possible for us to conclude that N. Isanbet created a coherent and consistent picture of the Southern Urals events, which led to the death of Sh. Babich. The Tatar writer described the activities of the main political forces operating in the Southern Urals at that time, he convincingly

demonstrated their military-oriented way of solving problems, resorting to terror. Using a specific example, the writer explained the position of the Bashkir autonomists on the land issue and the fundamental incompatibility of their position with the position of the all-Russian Socialist Revolutionary Party, which dominated the local Soviet bodies of the Southern Urals in 1918–1919. N. Isanbet showed that Sh. Babich's death was a natural consequence of this situation. The writer saw a parallel between the fates of Salavat Yulaev and Shaikhzada Babich, who joined the armed struggle for Bashkir lands, and whose lives ended tragically. However, the book contains a story of a "miraculous rescue": the Bashkir patrimonial owner (votchinnik) Sabirjan Agai saved Khadi Sagdi and Naqi Isanbet. Here, we can recall the textbook story by A. S. Pushkin "The Captain's Daughter", when first the mercy of Yemelyan Pugachev and later of Catherine II saved Petrusha Grinev who would live on happily ever after. The writer, scientist and encyclopedist Naqi Isanbet (1899–1992) would also live a long life. Unlike Sh. Babich, he would not put his talent to the service of the political projects of the 20th century.

The book of memoirs by Naqi Isanbet "Shaikhzada Babich" is a multifaceted literary work that combines historical and literary components. The author managed to create a realistic and comprehensive picture of the civil war events in the Southern Urals in 1918–1919. N. Isanbet reflected on the exorbitant price that the talented poet paid for his participation in the armed confrontation. The author of the memoirs managed to show that the execution of Sh. Babich and Irkabayev was not an accident, as it reflected the deep contradictions that emerged during the civil war in the Southern Urals. Citing the positions of various parties regarding the future development of the Southern Urals Region and all of Russia, Naqi Isanbet, in the conditions of Soviet ideology and censorship, created a truly realistic picture of the civil war period in the Southern Urals in 1918–1919, its personification was the death of Shaikhzada Babich.

References

1. *O podgotovke k 50-letiyu Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii. Postanovlenie TsK KPSS ot 4 yanv. 1967 g.* (1967) [On the Preparations for the 50th Anniversary of the Great October Socialist Revolution. Resolution of the Central Committee of the CPSU of January 4, 1967]. 31 p. Moscow, Politizdat. (In Russian)

2. Isanbet, N. (2021). *Shaikhzada Babich* [Shaikhzada Babich]. Naqi Isanbet: fenni-populyar zhyentyk. Compiled by M. Khabutdinova. Kazan, Zhyen. Pp. 165–259. (In Tatar)
3. Isanbet, N. (1967). *Shaikhzada Babich: Istelek* [Shaikhzada Babich: Memory]. Kazan utlary. No. 6, pp.127–134. (In Tatar)
4. Isanbet, N. (1968). *Unsigezenche eldan ber sehife* [A Milestone in Life from 1918]. Kazan utlary. No. 6, pp. 95 – 109. (In Tatar)
5. Isanbet, N. (2021). *Babichnng uterelue* [Assassination of Babich]. Medeni zhomga. January 15. No. 1. pp. 16-17. (In Tatar)
6. *Natsional'no-gosudarstvennoe ustroistvo Bashkortostana (1917–1925 gg.): Dok. i materialy v 4-h t.* (2002 – 2009) [The National State Building of Bashkortostan (1917–1925)): Documents and Materials in 4 Volumes]. Ros. akad. nauk. Ufim. nauch. tsentr. Tsentr etnol. issled., Akad. nauk Resp. Bashkortostan. Otd-nie gumanitar. nauk; sost. B. Kh. Yuldashbaev. Ufa, Kitap. (In Russian)
7. Khabutdinov, A. Yu. (2001). *Formirovanie natsii i osnovnye napravleniya razvitiya tatarskogo obshchestva v kontse XVIII – nachale XX vekov* [Formation of the Nation and the Main Directions of the Tatar Society Development in the Late 18th – Early 20th Centuries]. 383 p. Kazan', Idel'-Press. (In Russian)
8. Khabutdinova, M. M. (2020). *Obraz Sh. Babicha v vospominaniyakh N. Isanbeta* [The Image of Sh. Babich in the Memoirs of N. Isanbet]. Aktual'nye problemy natsional'nykh literatur i otechestvennogo literaturovedeniia: materialy Vserossiyskoi nauchno prakticheskoi konferentsii (s mezhdunarodnom uchastiem), posviashchennoi 125–letiiu so dnia rozhdeniia vidnogo obshchestvennogo i bashkirskogo gosudarstvennogo poeta, deyatelya Shekhzady Babicha, pp. 197–222. Ufa, RITS BashGU. (In Russian)
9. Salamatova, G. (2021). *The Legacy of Sheikhzada Babich in the Socio-Cultural Context: From the 1920s to 1950s*. Tatarica. No. 1 (16), pp. 78–102. <https://doi.org/10.26907/2311-2042-2021-16-1-78-102>. (In English, in Tatar)
10. *Ocherki po istorii Bashkirskoi ASSR* (1959) [Essays on the History of the Bashkir ASSR: In 2 Volumes]. Vol. 1, P. 2. 539 p. Ufa, Bashknigoizdat. (In Russian)
11. Lyashchenko, P. I. (1952). *Istoriya narodnogo khozyaistva SSSR*. [The History of the National Economy of the USSR]. Vol. 2. 735 p. Moscow, Politizdat. (In Russian)
12. Davletbaev, B. A. (2007). *Kryzhanovskii N. A.* [Kryzhanovskii N. A.]. Bashkirskaya entsiklopediya. T. 3, p. 554. Ufa, Bashkirskaya entsiklopediya. (In Russian)
13. Akmanov, A. I. (2007). *Zemlevladienie* [Land Ownership]. Bashkirskaya entsiklopediya. T. 3, pp. 56–57. Ufa, Bashkirskaya entsiklopediya. (In Russian)
14. *Istoriya bashkirskogo naroda* (2009) [History of the Bashkir People]. V 7 tomakh; otv.red. M. M. Kulsharipov; Institut istorii, yazyka i literatury UNC RAN. Vol. 5. 468 p. Ufa, Gilem. (In Russian)
15. *Natsional'no-gosudarstvennoe ustroistvo Bashkortostana (1917–1925 gg.): Dok. i materialy v 4-kh t.* (2002) [The National State Building of Bashkortostan (1917–1925)): Documents and Materials in 4 Volumes]. Ros. akad. nauk. Ufim. nauch. tsentr. Tsentr etnol. issled., Akad. nauk Resp. Bashkortostan. Otd-nie gumanitar. nauk; sost. B. Kh. Yuldashbaev. 608 p. Ufa, Kitap. (In Russian)
16. *Qurultai*. 1918. January 29. (In Tatar)
17. Khabutdinov, A. Yu. (2001). *Organy natsional'noi avtonomii tyurko-tatar Vnutrennei Rossii i Sibiri v 1917–1918 gg.* [The Bodies of National Autonomy of the Turko-Tatars of Inner Russia and Siberia in 1917–1918]. 61 p. Vologda. (In Russian)
18. Mordvintsev, G. V. (2006). *Vserossiiskoe Uchreditel'noe Sobranie* [All-Russian Constituent Assembly]. Bashkirskaya entsiklopediya. T. 2, pp. 156–157. Ufa. (In Russian)
19. Schafer, D. E. *The Constituent Assembly Election Results as a Source on Bashkir and Tatar National Consciousness, 1917*. (1997). Yazyki, dukhovnaya kul'tura i istoriya tyurkov: Traditsii i sovremennost'. T. 3, pp. 82–84. Moscow. (In English)
20. Khabutdinov, A. Yu. *Komissariat po delam musul'man Vnutrennei Rossii* (2009) [Commissariat for Affairs of Muslims in Inner Russia]. Islam v Sankt-Peterburge: entsiklopedicheskii slovar'; kollektiv avtorov; otv.red. D. Z. Khairetdinov. Islam v Rossiiskoi Federatsii. Vyp. 3, pp. 107–108. Moscow, Medina. (In Russian)
21. Davletshin, R. A. (2007). *Krest'yanское povstancheskoe dvizhenie 1918–21* [Peasant Rebellious Movement 1918–21]. Bashkirskaya entsiklopediya. T. 3, pp. 543–544. Ufa. (In Russian)
22. *Ufadagy mugallimeler kursy* (1918) [The Courses of Mugallimas in Ufa]. Tormysh. March 21, (April 2). No. 821. (In Tatar)
23. Khabutdinov, A. Yu. (2023). *Dar ul-mugallimat* [Dar ul-mugallimat]. Islam v Bashkortostane. Entsiklopedicheskii slovar', kollektiv avtorov; otv.red. D. V. Mukhetdinov, red. A. Y. Khabutdinov, M. N. Farkhshatov. Seriya “Islam in the Russian Federation”. Vyp. 9, p. 40. Moscow, Medina. (In Russian)
24. Bikbaev, R. (1995). *Shaikhzada Babich: Zhizn' i tvorchestvo* [Shaikhzada Babich: Life and Creative Work]. 304 p. Ufa, Kitap. (In Russian)
25. Okuntsov, Yu. *Nachalo grazhdanskoi voiny v Zlatoust* [The Beginning of the Civil War in Zlatoust]. URL: <https://zlatmuseum.ru/science/articles/c230820180752> (accessed: 03.01.2025). (In Russian)
26. Yablonskii, F. *Zlatoustovskaya entsiklopediya* [Zlatoust Encyclopedia]. URL: http://www.zlatoust.ru/a/ze/gr_vojna.html (accessed: 03.01.2025). (In Russian)
27. Kazanchiev, A. D., Mordvintsev, G. V. (2009). *Partiya socialistov-revolutsionerov (PSR)* [The Socialist

- Revolutionary Party (SRP)]. Bashkirskaya entsiklopediya. Vol. 5, p. 32. Ufa, Bashkirskaya entsiklopediya. (In Russian)
28. Asfandiyarov, A. Z., Cherepanova, N. I. (2008). *Mesyagutovo* [Mesyagutovo]. Bashkirskaya entsiklopediya. Vol. 4, p. 178. Ufa, Bashkirskaya entsiklopediya. (In Russian)
29. *Vekhi suvereniteta* (1995) [Milestones of Sovereignty]. Istoriya russko-bashkirskikh otnoshenii, sbornik. Sost. I. G. Akmanov. 56 p. Ufa, Kitap. (In Russian)
30. *Turnaly* (2010) [Turnaly]. Bashkirskaya entsiklopediya. Tom 6, pp. 370–371. Ufa, Bashkirskaya entsiklopediya. (In Russian)
31. *Bashkirskie shezhere* (1960) [Bashkir Shajaras]. Sost., per., vyp., kommentarii R. G. Kuzeeva. Ufa, Akad. nauk SSSR. Bashkir. filial. In-t istorii, yazyka i literatury. 304 p. Ufa, Bashknigoizdat. (In Russian)
32. Gvozdikova, I. M., Idel'baev, M. Kh. (2009). *Salavat* [Salavat]. Bashkirskaya entsiklopediya. Vol. 5, pp. 383–384. Ufa, Bashkirskaya entsiklopediya. (In Russian)
33. Babich, Sh. (1990). *Zenger jyrlar* [The Blue Songs]. 544 p. Kazan, Tat. kit. nashr. (In Tatar)
34. Safonov, D. A. (1999). *Velikaya krest'yanskaya voyna 1920–21 gg. i Yuzhnyi Ural* [The Great Peasant War of 1920–21 and the Southern Urals]. 314 p. Orenburg, Orenburgskaya guberniya. (In Russian)
35. *Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii pravitel'stva za 1919 g.* (1943) [Collection of Laws and Government Orders of 1919]. 886 p. Moscow, Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR. (In Russian)
36. *Mikhailovka* [Mikhailovka] URL: http://www.ufagen.ru/places/salavatskiy/mihaylovka_salavat.html (accessed: January 3, 2025). (In Russian)
37. Kokholev, D. E. (2001). *Preobrazhenskii (Zilairskii, Salairskii) medeplavil'nyi zavod* [Preobrazhenskiy (Zilairskiy, Salairskiy) Copper Works]. Metallurgicheskie zavody Urala XVII–XX vv.: entsiklopediya. Otv.red. V. V. Alekseev. Pp. 391–393. Ekaterinburg, Akademkniga. (In Russian)
38. Kulbakhtin, S. N. (2009). *Preobrazhenskii zavod* [Preobrazhenskiy Works]. Bashkirskaya entsiklopediya. Vol. 5, p. 175. Ufa, Bashkirskaya entsiklopediya. (In Russian)
39. Yamalov, M. B. (2009). *Premiya* [The Prize]. Bashkirskaya entsiklopediya. Vol. 5, pp. 174–175. Ufa, Bashkirskaya entsiklopediya. (In Russian)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОСНОВА ВОСПОМИНАНИЙ НАКИ ИСАНБЕТА О ШАЕХЗАДЕ БАБИЧЕ

Айдар Юрьевич Хабутдинов,

Казанский филиал Российского государственного
университета правосудия им. В. М. Лебедева,
Россия, 420088, г. Казань, ул. 2-я Азинская, 7А,
aikhabutdinov@mail.ru.

В статье анализируются воспоминания Наки Исанбета о Шаехзаде Баби́че. Произведение было создано в преддверии празднования 50-летнего юбилея Октябрьской революции. Из-за цензуры автору удалось свой труд опубликовать в 1967–1968 гг. лишь частично. Материалом исследования послужила полная версия воспоминаний Наки Исанбета, введенная в научный оборот в 2023 г. В статье дается подробный исторический комментарий событиям, описанным в этом произведении. Доказано, что писателю удалось реалистически, достоверно отразить конфликты между различными вооруженными силами в регионе. На основе анализа системы персонажей выявлено, что у Наки Исанбета историзм становится также важнейшим эстетическим принципом организации «построения» характеров героев.

Ключевые слова: Наки Исанбет, Шаехзаде Баби́ч, Салават Юлаев, башкирская автономия, 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции

Для цитирования: Хабутдинов А.Ю. Историческая основа воспоминаний Наки Исанбета о Шаехзаде Баби́че // Tatarica. 2025. № 1 (24). С. 59–75. <https://doi.org/10.26907/2311-2042-2025-24-1-59-75>

Введение

В 1967 г. в СССР с размахом отмечался полвековой юбилей Октябрьских событий 1917 г. В рамках Постановления ЦК КПСС от 4 января 1967 г. «О подготовке к 50-летию Ве-

ликой Октябрьской социалистической революции» «правлениям Союза писателей СССР» было дано поручение осуществить «подготовку и выпуск научной и популярной исторической <...>, привлекая в качестве авторов старых

большевиков, ветеранов революции, гражданской и Великой Отечественной войн, героев труда, видных ученых и общественных деятелей; обеспечить высокий идейный и художественный уровень изданий» [1, с. 3, 27–28]. Это сподвигнуло Н. Исанбета на создание книги воспоминаний о своем современнике Шаехзаде Мухамметзакир улы Бабице (1895–1919), из чьих рук в юности он получил поэтическое благословение [2, с. 166–173, 238–240]. Однако ученому-энциклопедисту из-за цензуры удалось опубликовать свой труд лишь частично (см. подр.: [3], [4]). Н. Исанбет размышляет о поэтическом гении и политической трагедии Ш. Бабицы в период, который охватывает менее года из жизни поэта и самого Н. Исанбета: между событиями лета 1918 г. и 28 марта 1919 г., когда поэт был расстрелян.

Материалы и методы исследования

Глава о гибели Ш. Бабицы в январе 2021 г. была опубликована в газете «Мәдәни жомга» [5]. Полный вариант произведения, послуживший материалом для нашего исследования, увидел свет в научно-популярном сборнике «Наки Исанбет» [2, с. 165–259]. Писатель спустя полвека возвращается к истории творческого подъема, поэтического триумфа и гибели своего старшего современника, опираясь на свои личные воспоминания о нем. Анализируя причины гибели Ш. Бабицы в марте 1919 г., Н. Исанбет реалистически, достоверно описывает борьбу, развернувшуюся на Южном Урале в 1918–1920 гг. между различными вооруженными силами, среди которых можно выделить не только красных и белых (комучевцев), но и башкирских автономистов и крестьянское движение (*сәнәкчеләр* ‘вилочники’).

В качестве основного источника по истории башкирского движения на Южном Урале использованы первые 3 тома «Национально-государственного устройства Башкортостана (1917–1925 гг.)» в 4 т., созданного Б. Х. Юлдашбаевым, где содержатся материалы об общественно-политической деятельности поэта, данные о его гибели и оценки ее причин [6]. Роль земельного вопроса в движении башкир за автономию, сокращение земельных массивов башкир и последовавшее за этим изменение всего образа жизни башкирского сословия нами были рассмотрены в 2001 г. в монографии [7, с. 62–64, 316–321]. Заслуживают внимания также статьи о Ш. Бабице, ликвидирующие «белые пятна» в его биографии [8], [9].

Настоящая статья основана на использовании сравнительно-исторического, проблемно-хронологического методов, методов синхронного и диахронного анализа, периодизации, классификации и др.

Обсуждение

Чтобы выявить причины, приведшие Ш. Бабицу к гибели в Орском уезде Оренбургской губернии в марте 1919 г., Н. Исанбет в своих воспоминаниях при показе двух событий 1918–1919 гг. прибегает к приему параллелизма. Писатель описывает летний вечер для учительниц в Уфе [2, с. 176–182], а также воссоздает картину вооруженного восстания против советской власти в родном ему Златоустовском уезде Уфимской губернии, которое вспыхнуло летом 1918 г. [2, с. 187–205].

Н. Исанбет дает краткое, но емкое описание земельного вопроса на территории Южного Приуралья, когда земли башкир-вотчинников с 1730-х гг. начали отходить вначале под заводы, а затем для земледелия славянским переселенцам [2, с. 211–217]. Для башкирских автономистов и крестьян-башкир в годы революции 1917 г. и Гражданской войны защита земельного фонда была основной целью. Процесс конфискации земельных владений был активен на протяжении 1730–1900-х гг. Огромные земельные массивы переходили в руки помещиков и владельцев горной промышленности. В 1852 г. на душу населения у башкир оставалось по 1,78 лошади и 1,07 крупного рогатого скота [10, с. 9–14]. Традиционное кочевое хозяйство фактически не могло существовать, кроме ряда волостей Оренбургской губернии, части Sterлитамакского и Златоустовского уездов. По утверждению П. И. Лященко, земельный фонд башкирского населения сократился с начала XIX в. по 1890 г. с 11,5 млн. до 1,5 млн. десятин земли [11, с. 507–508]. После передачи с 1 февраля 1865 г. в гражданское ведомство населения кантонов бывшего Башкирско-Мещеряцкого войска были приняты Указы от 11 февраля 1869 г. и от 4 июня 1871 г. [12, с. 554], в итоге действия которых площадь башкирских вотчинных земель сократилась от 13,8 млн. дес. в начале 1860-х гг. до 6,6 млн. дес. к концу XIX в. (по данным А. И. Акманова) [13, с. 56–57]. Этот процесс продолжился и в начале XX в. В 5 томе «Истории башкирского народа» указывается, что «в 1905–1915 гг. башкиры были вынуждены продать 300 тыс. дес. в Оренбургской и 222 тыс.

дес. в Уфимской губерниях» [14, с. 57]. Поэтому для лидеров башкирских автономистов в 1917 г. аграрный вопрос имел ключевое значение.

15 ноября 1917 г. был провозглашен Фарман (Указ) № 1 Башкирского Центрального Шуро, где было оговорено создание автономии на основе восточной части Оренбургской губернии [15, с. 182–183]. 8–20 декабря 1917 г. в Оренбурге состоялся III Башкирский курултай, 20 декабря было принято постановление по земельному вопросу. В разделе VI «О поселении на территории Башкирии и о выселении из ее пределов» утверждается: П. 16 «правом поселения на башкирской территории пользуются только башкиры и другие мусульманские народы, остающиеся вне пределов автономной Башкирии» и в П. 19 «все переселенцы, заселившие Башкирию после 20 апреля 1898 г. <...> должны обмениваться землями с теми из башкир и мусульман, которые остались вне пределов автономной Башкирии и которые желают поселиться в ней» [15, с. 235].

5 января 1918 г. в Миллет Меджлисе состоялось выступление заместителя председателя Башкирского правительства Ахмад-Заки Валиди, сторонам не удалось достичь согласия. Ключевым вопросом стал статус немусульман, так как А.-З. Валиди выступал за реализацию вышеуказанного пункта о создании чисто мусульманской автономии, тогда как депутаты Миллет Меджлисе настаивали на полном равенстве всех граждан [16]. Всероссийское Учредительное собрание 5 января 1918 г. провозгласило Российскую Федеративную Республику. Мусульманская социалистическая фракция собрания заявила о создании ряда субъектов РФР, включая Штат Поволжье – Южный Урал. 7 января 1918 г. Миллет Меджлисе заявило о рождении субъекта РФР – Штата Идель-Урал, и приняло решение о порядке создания Штата [17, с. 32–34].

О степени популярности различных политических течений среди мусульман Волго-Уральского региона в ноябре 1917 г. можно судить по результатам выборов во Всероссийское Учредительное Собрание. Наибольшее количество голосов – 322 166 – получил список № 9 общероссийской партии эсеров и контролируемого ею Уфимского губернского Совета крестьянских депутатов. Второе место получил список № 3 (левая фракция Мусульманского Национального Совета (Милли Шуро) во главе с Галимджаном Ибрагимовым) – 304.844 голо-

са, сторонники которого поддерживали Штат Идель-Урал, а в марте 1918 г. Татаро-Башкирскую Советскую Республику (ТБСР) в составе РСФСР. Третье место (список № 11, «федералисты-башкиры») – 135.967 избирателей. Список № 1 Милли Шуро получил 88 850 голосов. За большевистский список № 10 проголосовало 48 151 человек [18, с. 156–157]. Башкирский список получил 50,8 % голосов в Стерлитамакском уезде и 58,2 % в родном Наки Исанбету Златоустовском уезде. В других уездах губернии татарские списки получили большинство [19, с. 82–84]. Налицо преобладание татарских списков среди мусульман по всей Уфимской губернии, кроме двух уездов, при доминировании русских эсеров в Уфимском губернском Совете крестьянских депутатов. Русские эсеры, башкирские автономисты и татарские сторонники Уфимского губернского Милли Шуро будут тремя силами, выступившими против Советской власти в губернии с весны 1918 г. Наоборот, левая фракция Уфимского губернского Милли Шуро во главе с Г. Ибрагимовым перейдет на сторону Советской власти после разгона Всероссийского Учредительного Собрания [17, с. 34–35]. 17 января 1918 г. был принят декрет СНК «О комиссариате по делам мусульман» при Наркомате по делам национальностей, где Мулламур Вахитов назначался комиссаром, а Г. Ибрагимов и Шариф Манатов – его заместителями. Центральным органом комиссариата была газета «Чулпан» (18.01.1918–21.03.1919), чьим редактором стал Г. Ибрагимов [20, с. 107–108].

С марта 1918 г. после введения продразверстки партия левых эсеров вышла из Совнаркома, одновременно на территории Южного Урала начались крестьянские восстания против нее. В середине марта 1918 г. произошло восстание в Бураевской волости Бирского уезда Уфимской губернии, подавленное 27 марта 1918 г. [21, с. 543]. В родном Наки Исанбету Златоустовском уезде на начавшемся 2 марта Месягутовском крестьянском съезде была принята резолюция, требующая отставки СНК, возобновления деятельности Учредительного собрания, органов земского, городского и волостного самоуправления [14, с. 88]. Вторая волна восстаний началась в мае и к середине июня охватила большинство волостей Бирского уезда и Ногушинскую волость Уфимского уезда. В ряде волостей повстанцы, поддерживавшие правительство Комуча, устанавливали связи с войсками Чехословацкого корпуса и участвовали в со-

вместных операциях против Красной армии [21, с. 544]. Эту атмосферу начала Гражданской войны на Южном Урале летом 1918 г. и описывает в своих воспоминаниях о Ш. Бабиче Н. Исанбет.

Описывая свою встречу с Ш. Бабичем в мусульманской женской учительской школе (Дар ул-мугаллимат), Н. Исанбет дает положительную оценку образовательной политике первого года Советского режима, создавшей условия для аттестации мугаллимов и мугаллим, учителей и учительниц после прохождения ими курсов. Здесь речь идет о вечере на курсах мугаллим, которые открылись в Уфе на базе медресе «Усмания» 10 мая 1918 г. [22]. Основателем женских курсов в медресе «Усмания» был мударрис Джихангир Абзильдин. Они заработали в мае 1917 г., то есть не имели отношения к советской власти. «Дар ул-мугаллимат» как мусульманская женская учительская школа (семинария) была создана в 1916 г. в Уфе. Она находилась в ведении Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС), а затем губернского Милли Идарэ, то есть не была создана Советским режимом [23, с. 40].

В середине июля 1918 г. Ш. Бабич занимался формированием башкирских частей в Шарыповской и Бакаевской волостях Уфимского уезда и губернии [24, с. 239]. Вот почему он явился на вечер в военной форме с кобурой пистолета [2, с. 177–182].

Н. Исанбет вспоминает, как из Уфы вернулся на родину, где учительствовал. Вот как он описывает трагические события, в эпицентре которых он невольно оказался, хотя был просто сельским учителем: «<...> чехословаки, прибывшие из Челябинска, захватили наш уездный центр Златоуст <...>. К этому времени Советская Красная армия еще не успела выстроиться в должном порядке, вооруженного сопротивления такой регулярной армии на нашей стороне не было. В Самаре возник Комуч, правительство <членов> Учредительного собрания. В наш уезд, еще не оправившийся от страшного восстания сенекчеляр (см. выше. – А. Х.), стала прибывать власть белых, опирающаяся на интервенцию и силы Антанты. Те, кто случайно спасался от расстрелов или проявлял симпатию к Советам, сбегали, уходили в леса, становились партизанами. Особенно много таких людей было в Насибаше, Атау, Кигах» [2, с. 201–202].

В июне 1918 г. вся сельская часть Златоустовского уезда, а также Кусинский, Саткинский, Петропавловский и Никольский заводы

были охвачены антибольшевистским восстанием. Красные войска 25 июня «спешно оставили город Златоуст» [25], «только в Месягутово было замучено около 400 чел.» [26].

Отправившиеся на каникулы в поездку учителя Н. Исанбет и Х. Сагди оказались в эпицентре восстания сенекчеляр – Месягутово – и едва не погибли. «После образования Советской власти самая первая и самая жестокая, самая кровопролитная война сенекчеляр в России произошла в этом Златоустовском уезде. Из-за последовавшей интервенции эти события остались без освещения», – считал писатель [3, с. 187–188]. По свидетельству Н. Исанбета, провокатором этих событий послужил помещик Мурашев из русской деревни Сикияз¹, который убедил окрестных крестьян в том, что советы отберут у них землю. В то время на реке Ай было много «русских кулаков, земских чиновников, попов, офицеров, оставшихся без погон...». Запугав середняков, они подняли вооруженное восстание против красногвардейцев. В рамках советского дискурса Н. Исанбет обвиняет в этих восстаниях прежде всего партию эсеров, самую влиятельную тогда в Уфимской губернии [27, с. 32]. В Месягутово с прилегающими селами в 1920 г. жило 3,6 тыс. чел. [28, с. 178], в Сикиязе – 1.531 чел. [29, с. 499].

Претензии восставших выражает башкир-вотчинник Сабирзян агай. В его достаточно краткой речи сформулирована, по сути, вся программа башкирского автономизма, которая принципиально не изменилась за столетие². Старик возмущен тем, что Х. Сагди опубликовал в газете «Чулпан» сообщение о том, что Златоустовский уезд приветствовал советскую власть и поддержал призыв о социализации земли [2, с. 191]. Сабирзян агай разгневался на сына муллы за то, что тот бросил приход отца, отказался быть муллой и, вопреки традиции, стал жить с женщиной другого вероисповедания: «Ты сам себя называешь пролетарием? Пролетарий, он на заводе. Где башкирский завод? Он есть? Не было еще ни башкирского, ни

¹ Сикияз, русское село в Златоустовском уезде Уфимской губернии, ныне в Дуванском районе Республики Башкортостан.

² В аннотации к книге «Вехи суверенитета», составленной И. Г. Акмановым и выпущенной к I Всемирному курултаю башкир 1995 г., прямо говорится: «одна из особенностей развития башкирской государственности состоит в том, что взаимоотношения с Россией башкиры регулировали на основе равноправных договоров» [29, с. 2].

татарского. Социализация, говоришь. Скажи: твое ли дело заниматься распределением земли? Эта земля твоя? (Тут он поднес кулак, в котором держал саблю, к носу Хади-абзья). Не выдумывай! Ты прекрасно знаешь, сколько книг по истории ты сам читал, ведь все говорили: это Урал, это Агидель, это Узень, Сакмара – это наша земля и вода. Вот: с одной стороны граница Вятка и Екатеринбург, с другой – Тоз-Тюбе (Соль-Илецк. – А. Х.) <...> это все Башкирская земля! Чтобы не возникло в дальнейшем споров, мы свои права узаконили, отдав на подпись Ивану Грозному, вот почему подписали договор с Московским царством. Теперь взгляни, сколько бояр, сколько заводчиков-колонистов с тех пор пришло на эти земли? Так что же? Кто нарушил условия? Мы? Сколько столетий мы воевали, чтобы не пустить их на эти земли, их царь поддерживал, царь. Он отдал приказ нас расстреливать, устраивать резню. Салават сражался с войском генерала Михельсона... И поэтому у нас сегодня революция! Мы тоже вышли это сделать. А что ты пишешь? Сам мусульманин. Так что же? Сам посчитай: осень ведь не наступила, видишь: башкиры считали твоих отцов и дедов мусульманами и дали вашим аулам землю и воду. Если бы на твоём месте был кто-то достойный, он бы сказал: „спасибо“ <...>. Чью землю ты делишь?.. Неужели ты считаешь, что златоустовский рабочий с завода возьмет ее, чтобы дать тебе. И знайте, что мы – башкиры, не рабочие, не капиталисты, у нас мало крестьян. Мы держим скот. Разве ты не хочешь, чтобы все наши пастбища были поделены между теми пришельцами, кто пришел сюда, сказав, что хочет построить здесь социализм? Нас оставить сгинуть от голода? На нашей земле? Гей, гей, гей! Народ, народ, говоришь! Вот ты стоишь перед народом, отвечай: почему у тебя есть право писать от имени народа что-то подобное? Почему ты смеешься над нашей религией? Или у тебя есть верный путь?»³ (подстр. пер. – А. Х.) [2, с. 192–194].

В данном случае Турналы это не просто деревня в Салаватском районе Республики Башкортостан. Это символ тогда совсем недавней аграрной колонизации края: «Д. Турналы (Пермяки) основана в 1875 г. на вотчинных землях башкир д. Ельгильдино <...> по договору о припуске крестьянами-переселенцами из Вятской губернии,

Костромской, Пензенской губ, Пермской губернии, Уфимской губернии как поселок» [30, с. 270–271].

Примечательно, что за 8 лет до выхода воспоминаний Н. Исанбета о Ш. Бабице в «Казан утлары» увидела свет книга Р. Г. Кузеева, где приводились башкирские шежере, содержащие сведения о грамотах, якобы данных Иваном IV (сами оригиналы грамоты не сохранились) [31, с. 33–34, 73, 78–79].

Показательно, что Сабирзян агай проводит в своей речи параллель между революционными событиями 1917 г. с Пугачевским восстанием и с личностью Салавата Юлаева. Как известно, личность Салавата Юлаева начинает прославляться в советскую эпоху в 1940-е гг., пик приходится на 1967 г., на начало застоя. С 1967 г. начинает присуждаться Государственная премия Башкирской АССР имени Салавата Юлаева в области литературы, искусства и архитектуры. В Уфе 17 ноября 1967 г. был открыт памятник Салавату Юлаеву [32, с. 384].

Н. Исанбет в своих воспоминаниях выстраивает параллель трагических образов Ш. Бабица и Салавата. Пророческим оказался эпиграф к стихотворению Ш. Бабица «Салават батыр» (1918): «Сколько лет Салавату? / Сколько лет Салавату? / Двадцать три года... / На голове зеленая камчатная бурка» (из народной песни). Поэт прославляет народного заступника за смелость, выражает уверенность в том, что память о нем на века сохранится в среде потомков, а пролитая кровь героя их будет вдохновлять на подвиги [33, с. 229]. Реальный Салават не погиб в возрасте 21 года (по другой версии – в 23 года), а после длительного следствия 2 октября 1775 г. вместе с отцом был отправлен в пожизненную ссылку (реально – на вечную каторгу) в крепость Балтийский порт (ныне город Палдиски в Эстонии), где умер в 1800 г. [32, с. 384]. Ш. Бабиц прожил 24 года и погиб после краткого суда и приговора. Напомним, что Советский режим отменил разделение властей, что фактически обозначало переход судебных функций местным Советам.

Какова же была ситуация в сельских районах Южного Урала в 1918–1919 гг.? «Исследователи едины во мнении, что к весне 1918 г. хлебная монополия в Уфимской губ. была практически провалена – и именно из-за противодействия крестьян». Регион охватили крестьянские восстания» [34, с. 44–47]. А.-З. Валидов в обращении в Оренбургский губисполком 28 февраля 1919 г. особо подчеркивал, что крестья-

³ При переводе передан основной смысл реплик. В оригинале Н. Исанбет стремился передать особенности диалектной речи персонажа. – А. Х.

яне-переселенцы поддерживают Советскую власть, записались в Красную гвардию добровольцами [34, с. 102–103.]

Ситуацию на местах обострило «Соглашение Центральной Советской власти с Башкирским Правительством о Советской Автономной Башкирии» от 20 марта 1919 г. По нему: «I. Автономная Башкирская Советская Республика образуется в пределах Малой Башкирии и составляет федеративную часть, входящую в состав Р.С.Ф.С.Р.

II. В состав Малой Башкирии входят из Орского уезда волости: 27) Преображенская...» [35, с. 653–656].

Следует отметить, что Уфимский и Оренбургский губернские советы не поддержали Башкирскую автономию. У лидеров Оренбургского губернского совета и башкирских автономистов были кровавые счета уже с начала 1918 г. Ночью 2 марта 1918 г. личный состав башкирского военного отряда и уполномоченные Башкирского правительства были арестованы Баймакским Советом рабочих депутатов. 4 марта 1918 г. вооруженные башкирские отряды численностью около 2 тысяч человек взяли в осаду Баймак. 6 марта прибывший из Орска полк красногвардейцев под командованием Н. Баранова отбивает блокаду. 7 марта 1918 г. по приговору суда рабочих и красногвардейцев, по разным данным, были убиты 20–25 человек, в том числе члены Башкирского правительства Гимран Магазов и Габдулла Идельбаев вместе с пятью польскими советниками-офицерами и солдатами башкирского добровольческого отряда [6, с. 301–340].

Именно в эти дни 20 февраля 1918 г. (по ст. стилю) Преображенский уездный крестьянский совет принял резолюцию («По вопросу о Башкурдистане», указывая на «4) последние печальные события – натравливание буржуазией трудового башкирского народа на русский (вооружение и вооруженные нападения на русские хутора). 5) игру на территориальной самостоятельности башкир, съезд, категорически высказываясь против территориальной автономии Башкурдистана, в то же время признает право башкир на территориальное самоопределение» [6, с. 299].

О каких же населенных пунктах тогда Орского уезда здесь идет речь? Н. Исанбет упоминает дер. Михайловка: «Д. Михайловка была основана крестьянами из д. Малояз Уфимской губернии (русское селение ныне в Челябинской губернии недалеко от современного центра Са-

лаватского района РБ с. Малояз) на покупной у башкир д. Каратавлы земле в 1874 г.» [36]. Преображенский медеплавильный завод был основан в 1748 г. на купленной у башкир земле. В июне 1774 г. завод был сожжен восставшими башкирами: «в 1773–1775 убито и пропало без вести 84 заводских жителя» [37, с. 391–393]. По данным Башкирской энциклопедии, в конце мая 1774 г. башкиры-повстанцы разрушили и сожгли производственные здания и сооружения, вывели из строя оборудование. «Позже в село при заводе помещики стали переводить русских крепостных крестьян из Поволжья. Административно входило в состав Орского уезда Оренбургской губернии. В ноябре 1922 года село Преображенское стало центром Зилаирского кантона» [38, с. 175].

У русских жителей Преображенского и Ш. Бабича было разное представление как о временах Пугачева и Салавата, так и о территориальной принадлежности Преображенского или Зилаира. Оно было отягощено включением села в Малую Башкирию, символом власти которой оказался Ш. Бабич. История Х. Сагди и Исанбета кончилась благополучно, так как у Х. Сагди нашелся родственник и покровитель среди местных башкир. Ш. Бабичу и Иркебаеву не удалось спастись после ареста деятелями Преображенского Совета.

Н. Исанбет приводит слова очевидца: «Ахат Муратов, видевший страшный кошмар убийства Бабича (один башкирский крестьянин, бывший делегатом на большевистский съезд из рода Тангаура; Башкортостан, Хайбуллинский район, деревня Исянбетово) пишет: „двоих молодых башкирских парней вывели из запертого места. Оба были широкоплечими, крепкими парнями, улыбались, были одеты в красноармейскую одежду <...>, на головных уборах – звезды. Это были товарищи, одним из них был Шайхзада Бабич, вторым – Иркебаев. Комиссар, проводивший съезд сказал, что эти ребята – наши, члены Башкирского правительства, очень просил их спасти. И местные сказали ему: если хочешь, чтобы их не расстреляли, встань между ними. Комиссар не смог. Товарищей Бабича и Иркебаева поставили у забора для расстрела. Один большой русский парень, из тех, кто расстреливал, начал снимать с Бабича шинель, и тогда Бабич сказал: *“Стой, товарищ, в кармане у меня вещи есть”* (курсивом, в оригинале на русском. – А. Х.). Тогда русский парень сказал Бабичу: *“На том свете никаких тебе вещей не нужно”* (курсивом, в оригинале

на русском. – А. Х.) <...>. Потом русский юноша в гневе ударил прикладом ружья Баби́ча по голове...“» [3, с. 230–231]. Так закончился земной путь поэта, который, как и Салават, встал на путь своей борьбы за башкирскую землю...

Результаты

На основании анализа статьи Н. Исанбета «Шаехзаде Баби́ч» (1967) мы пришли к выводу, что автор стремился построить заглавный образ как классика татарской и башкирской литературы в реалии раннего застоя. Ключевым идеологическим моментом стало осмысление опыта Октябрьской революции и Гражданской войны, которое формально проводилось в соответствии с Постановлением ЦК КПСС от 4 января 1967 г. «О подготовке к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции». Так как опыт башкирского национального движения во главе с А.-З. Валиди (1890–1970) оценивался властями как отрицательный, а сам деятель национального движения еще был жив, то Н. Исанбет мог сосредоточиться только на творческой деятельности Ш. Баби́ча, чему посвящена относительно большая по объему часть очерка [2, с. 167–186, 234–259]. Однако Н. Исанбет, основываясь на личном опыте, описывает ситуацию Гражданской войны, белого и красного террора на Южном Урале летом 1918 – весной 1919 гг. [2, с. 187–204]. Автор очерка объясняет, как Ш. Баби́ч из татароязычного поэта в 1917 г. превращается в башкирского национального активиста, который в 1918 г. стал главным поэтом башкирского автономизма и членом Башкирского правительства [2, с. 206–226]. Вместе с тем Н. Исанбет показывает неумолимую логику гражданской войны, жертвами которой становятся революционеры-идеалисты [2, с. 226–238]. Это произошло с Муллауrom Вахитовым в августе 1918 г., а с Шаехзаде Баби́чем – в марте 1919 г. В 50-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции Н. Исанбет поставил перед собой ранее не решенную задачу создания признанной властями биографии Ш. Баби́ча [2, с. 240], в чем он частично преуспел. Однако если С. Юлаев оказался целиком вписанным в официальную систему координат Советской Башкирии, то превращение Ш. Баби́ча в однозначно признанного положительного персонажа происходит только в первую половину 1990-х гг., когда с 1995 г. наряду с Государственной премией Республики Башкортостан имени Салавата Юлаева стала присуж-

даться Государственная республиканская премия Башкирской АССР имени Шайхзады Баби́ча в области литературы, искусства и архитектуры [39, с. 174].

Выводы

Анализируя книгу воспоминаний Н. Исанбета «Шаехзаде Баби́ч», документы и исследования о Гражданской войне на Южном Урале в 1918–1919 гг., мы пришли к выводу, что Н. Исанбет создал стройную и непротиворечивую картину событий на Южном Урале, которые и привели к смерти Ш. Баби́ча. Татарский писатель показал деятельность основных политических сил, действовавших в это время на Южном Урале, убедительно продемонстрировал их ориентацию на решение проблем вооруженным путем, прибегая к террору. Писатель на конкретном примере объяснил позицию башкирских автономистов в земельном вопросе и принципиальную несовместимость их позиции с позицией общероссийской партии эсеров, которая доминировала в местных Советах Южного Приуралья в 1918–1919 гг. Н. Исанбет показывает, что гибель Ш. Баби́ча была закономерным следствием этой ситуации. Писатель разглядел параллель между судьбами Салавата Юлаева и Шаехзаде Баби́ча, включившихся в вооруженную борьбу за башкирские земли, чья жизнь закончилась трагически. Однако в книге есть и история «чудесного спасения»: башкир-вотчинник Сабирзян агай спасает Хади Сагди и Наки Исанбета. И здесь можно вспомнить хрестоматийную повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка», когда милосердие вначале Емельяна Пугачева, а затем Екатерины II спасает Петрушу Гриневу, который будет жить потом долго и счастливо. Долгую жизнь проживет и писатель, ученый-энциклопедист Наки Исанбет (1899–1992). В отличие от Ш. Баби́ча, он не поставил свой талант на службу политическим проектам XX в.

Книга воспоминаний Наки Исанбета «Шаехзаде Баби́ч» является многоплановым литературным произведением, совмещающим историческую и литературную составляющую. Автору удалось создать реалистичную и комплексную картину событий Гражданской войны на Южном Урале в 1918–1919 гг. Н. Исанбет размышляет о непомерно высокой цене участия талантливого поэта в вооруженном противостоянии. Автору воспоминаний удалось показать, что казнь Ш. Баби́ча и Г. Иркебаева не была случайностью, она отражала глубин-

ные противоречия, которые проявились в ходе Гражданской войны на Южном Урале. Приводя позиции различных сторон в отношении будущего развития региона Южного Урала и всей России, Н. Исанбет в условиях советской идеологии и цензуры создал поистине реалистичную картину периода Гражданской войны на Южном Урале в 1918–1919 гг., олицетворением которой и стала гибель Ш. Бабича.

Литература

1. О подготовке к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление ЦК КПСС от 4 янв. 1967 г. М.: Политиздат, 1967. 31 с.
2. *Исанбет Н. Шәйхзадә Бабич // Нәкый Исәнбәт: фәнни-популяр жыйынтык / Төз. М. Хәбетдинова. Казан: Жыен, 2021. 165–259 б.*
3. *Исанбет Н. Шәйхзадә Бабич // Казан утлары. 1967. № 6. 127–134 б.*
4. *Исанбет Н. Унсигезенче елдан бер сәхифә // Казан утлары. 1968. № 4. 95–109 б.*
5. *Исанбет Н. Бабичның үтерелүе // Мәдәни жомга. 2021. 15 гыйнвар. № 1. 16–17 б.*
6. Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.): док. и материалы в 4-х т. / Рос. акад. наук. Уфим. науч. центр. Центр этнол. исслед., Акад. наук Респ. Башкортостан. Отд-ние гуманитар. наук; Авт.-сост. Б. Х. Юлдашбаев. Уфа: Китап, 2002–2009.
7. *Хабутдинов А. Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX веков. Казань: Идель-Пресс, 2001. 383 с.*
8. *Хабутдинова М. М. Образ Ш. Бабича в воспоминаниях Н. Исанбета // Актуальные проблемы национальных литератур литературоведения: материалы научно-практической Всероссийской конференции (с международным участием), посвященной 125-летию со дня рождения видного башкирского поэта, общественного и государственного деятеля Шайхзады Бабича: Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. С. 197–222.*
9. *Саламатова Г. Д. Наследие Шаехзаде Бабича в контексте культурной и общественно-политической жизни 1920–1950 гг. // Tatarica. 2021. № 1 (16). С. 78–102. <https://doi.org/10.26907/2311-2042-2021-16-1-78-102>.*
10. Очерки по истории Башкирской АССР: [В 2 т.]. Т. 1, ч. 2. Уфа: Башкнигоиздат, 1959. 539 с.
11. *Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. М.: Политиздат, 1952. 735 с.*
12. *Давлетбаев Б. А. Крыжановский Н. А. // Башкирская энциклопедия. Т. 3. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2007. С. 554.*
13. *Акманов А. И. Землевладение // Башкирская энциклопедия. Т. 3. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2007. С. 56–57.*
14. История башкирского народа: в 7 т. / гл. ред. М. М. Кульшарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. Т. 5. Уфа: Гилем, 2009. 468 с.
15. Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.): Док. и материалы в 4-х т. – Т. 1. / Рос. акад. наук. Уфим. науч. центр. Центр этнол. исслед., Акад. наук Респ. Башкортостан. Отд-ние гуманитар. наук; Авт.-сост. Б. Х. Юлдашбаев. Уфа: Китап, 2002. 608 с.
16. Курултай. 1918. 29 января.
17. *Хабутдинов А. Ю. Органы национальной автономии тюрко-татар Внутренней России и Сибири в 1917–1918 гг. Вологда: О-во татар Сев. региона РФ, 2001. 61 с.*
18. *Мордвинцев Г. В. Всероссийское Учредительное Собрание // Башкирская энциклопедия. Т. 2. Уфа, 2006. С. 156–157.*
19. *Schafer D. E. The Constituent Assembly election results as a source on Bashkir and Tatar national consciousness, 1917 // Языки, духовная культура и история тюрков: Традиции и современность. Т. 3. М., 1997. С. 82–84.*
20. *Хабутдинов А. Ю. Комиссариат по делам мусульман Внутренней России // Ислам в Санкт-Петербурге: энциклопедический словарь / Коллект. автор. Сост. и отв. редактор Д. З. Хайретдинов. М.: Медина, 2009. С. 107–108. Ислам в Российской Федерации. Вып. 3.*
21. *Давлетишин Р. А. Крестьянское повстанческое движение 1918–21 // Башкирская энциклопедия. Т. 3. Уфа, 2007. С. 543–544.*
22. Уфадагы мөгаллимәләр курсы // Тормыш. 21.03 (2.04). 1918. № 821.
23. *Хабутдинов А. Ю. Дар ул-мугаллимат // Ислам в Башкортостане. Энциклопедический словарь / кол. авт.; главный редактор Д. В. Мухетдинов, ответ. редакторы А. Ю. Хабутдинов, М. Н. Фархшатов. М.: Медина, 2023. С. 40. Серия «Ислам в Российской Федерации». Вып. IX.*
24. *Бикбаев Р. Шайхзада Бабич: Жизнь и творчество. Уфа: Китап, 1995. 304 с.*
25. *Окунцов Ю. Начало гражданской войны в Златоусте. URL: <https://zlatmuseum.ru/science/articles/c230820180752> (дата обращения: 03.01.2025).*
26. *Яблонский Ф. Златоустовская энциклопедия. URL: http://www.zlatoust.ru/a/ze/gr_vojna.html (дата обращения: 03.01.2025).*
27. *Казанчиев А. Д. Мордвинцев Г. В. Партия социалистов-революционеров (ПСР) // Башкирская энциклопедия. Т. 5. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2009. С. 32.*
28. *Асфандияров А. З., Черепанова Н. И. Месягутово // Башкирская энциклопедия. Т. 4. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2008. С. 178.*
29. Вехи суверенитета [История русско-башкирских отношений, Сборник] / Сост. И. Г. Акманов. Уфа: Китап, 1995. 56 с.
30. Турналы // Башкирская энциклопедия. Т. 6. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2010. С. 370–371.

31. Башкирские шежере / сост., пер., введ. и коммент. Р. Г. Кузеева. Уфа: Башкиргиздат, 1960. 304 с.

32. Гвоздиков И. М., Идельбаев М. Х. Салават // Башкирская энциклопедия. Т. 5. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2009. С. 383–384.

33. Бабич Ш. Зәңгәр жырлар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1990. 544 с.

34. Сафонов Д. А. Великая крестьянская война 1920–21 гг. и Южный Урал. Оренбург: Оренбургская губерния, 1999. 314 с.

35. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1943. 886 с.

36. Михайловка. URL: http://www.ufagen.ru/places/salavatskiy/mihaylovka_salavat.html (дата обращения: 03.01. 2025).

37. Хохлов Д. Е. Преображенский (Зилаирский, Салаирский) медеплавильный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: энциклопедия / гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург: Академкнига, 2001. С. 391–393.

38. Кулбахтин С. Н. Преображенский завод // Башкирская энциклопедия. Т. 5. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2009. С. 175.

39. Ямалов М. Б. Премия // Башкирская энциклопедия. Т. 5. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2009. С. 174–175.

НӘКЫЙ ИСӘНБӘТНҖ ШӘХЗАДӘ БАБИЧ ТУРЫНДАГЫ ИСТӘЛЕКЛӘРЕНҖ ТАРИХИ НИГЕЗЕ

Айдар Юрьевич Хәбетдинов,

В.М. Лебедев исемендәге Россия дәүләт гадел хөкем
университетының Казан филиалы,
Россия, 420088, Казан ш., 2 нче Азин ур., 7А йорт,
aikhabutdinov@mail.ru.

Мәкаләдә Нәкый ИсәнбәтнҖ Шәехзадә Бабич турындагы истәлекләре анализлана. Әсәр Октябрь революциясенң 50 еллык юбилеен бәйрәм итү алдыннан ижат ителә. Цензура аркасында автор үз хезмәтен 1967–1968 елларда өлешчә генә бастырып чыгара алган. Хезмәттә Нәкый Исәнбәт истәлекләренң 2023 елда фәнни әйләнешкә кертелгән тулы версиясе тикшеренү материалы булып тора. Мәкаләдә әлегә әсәрдә тасвирланган вакыйгаларга жентекле тарихи комментарий бирелә. Язучының төбәктәге төрле кораллы көчләр арасындагы конфликтларны реалистик яктан дәрәҗә чагылдыра алуы исбатлана. Персонажлар системасын анализлау нигезендә, Нәкый Исәнбәт ижатында геройларның характерларын «төзүне» оештыруда тарихчылык мөһим эстетик принципка әверелүе ачыклана.

Төп төшенчәләр: Нәкый Исәнбәт, Шәехзадә Бабич, Салават Юлаев, Башкортстан автономиясе, Бөек Октябрь социалистик революциясенң 50 еллыгы

Сылтама өчен: Хәбетдинов А.Ю. Нәкый ИсәнбәтнҖ Шәехзадә Бабич турындагы истәлекләренң тарихи нигезе // Tatarica. 2025. № 1 (24). 59–75 б. <https://doi.org/10.26907/2311-2042-2025-24-1-59-75>